

ОСВОЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 августа 2023 г.

Аннотация: как показывают документы Елецкого, Ливенского и Воронежского уездов, в процессе заселения и освоения юга России в XVI–XVII вв. государство преимущественно играло регулирующую роль в сферах землевладения и налогообложения. В вопросах обеспечения новых регионов рабочими руками правительство стремилось к компромиссу между интересами землевладельцев и потребностями обороны.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, XVI–XVII века, заселение, освоение, государственное воздействие.

Abstract: as the documents of the Yelets, Livny and Voronezh uyezds show, during the colonization and reclamation of the south of Russia in the XVI–XVII centuries, the state mainly played a regulatory role in the spheres of land ownership and taxation. In matters of providing new regions with workers, the government aimed for the compromise between the interests of landowners and the needs of defense.

Key words: Central Chernozem region, XVI–XVII centuries, colonization, reclamation, state influence.

Территория современных Центрально-Черноземных областей в XVI в. именовалась Подем, означавшим малозаселенную окраину Российского государства. В XVI–XVII вв. происходило заселение и хозяйственное освоение Поля русскими людьми. Вопрос о соотношении правительственной и вольной колонизации с разных точек зрения затрагивался исследователями. Тем не менее вопрос о государственном воздействии на процесс заселения и освоения Поля заслуживает дальнейшего изучения с учетом новейших исследований и введенных в научный оборот исторических источников.

В XVI в. в ряде районов Центрального Черноземья осуществлялась хозяйственная деятельность. Как правило, жители примыкавших к Полю русских земель перемещались на окраину для занятий промысловой деятельностью: рыбной ловлей, охотой, бортничеством. Промысловые угодья (ухожья, юрты) ставились на учет государством и сдавались в аренду. В частности, в низовьях р. Воронеж сложился промысловый район. Он был внесен в рязанскую писцовую книгу 1584/85 г., составленную писцом М. Пушкиным. Бортные ухожья и рыбные ловли были записаны за бортниками рязанского села Ворыщ. Владельцы Равчинского и Кикинского ухожьев на р. Воронеж платили оброк 5 пудов меду, с устья р. Усмань – 2 пуда меда, ухожий Каноновский обхо-

дился владельцу в 4 пуда меда, ухожий Брудастый на р. Усмань и р. Хава – 3 пуда меда, еще один бортный ухожий на р. Усмань – 2,5 пуда меда. Участки рыбных ловель на реках Воронеж, Усмань, Хава облагались денежным оброком в размере от 20 копеек до рубля. Оброки платились в Приказ Большого дворца. В 1585/86 г. перечисленные ухожья были отписаны к новому городу Воронежу [1, с. 388–390].

Бассейн р. Цна, верховья которой приходились на территорию нынешнего Тамбовского края, в XVI в. был заселен мордвой. Традиционно мордва занималась бортничеством. В верхнем Почеенье также было распространено татарское землевладение. В татарско-мордовский компонент постепенно начинали вливаться русские крестьяне, таким образом изменяя облик региона [2, с. 93–104].

Постоянные населенные пункты располагались в западной части Центрального Черноземья – в Рыльском уезде, где существовало пашенное земледелие. В некоторых местах, например, в среднем течении р. Воронеж, пашня, по-видимому, появлялась по частной инициативе и впоследствии фиксировалась государством.

В последней трети XVI в. по инициативе правительства на Поле строились русские города-крепости: Данков (1568), Воронеж (1685/86), Ливны (1585/86), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599) [3, с. 148, 188–236]. Города-крепости заселялись приборными служилыми людьми: стрельцами, полковыми казаками, пушкарями.

Этот процесс подробно отражен в документах о заселении Ельца и отведении земель служилым людям [4]. В качестве жалования правительство выделяло им землю под пашню в ближних окрестностях городов. Так, два поля елецких стрельцов и воротников располагались около Стрелецкой слободы, а третья находилась напротив города за рекой Быстрая Сосна [5, с. 451–452]. Таким образом, строительство крепостей и заселение их ратными людьми давало импульс распашке земли в пригородных полях.

Правительством устанавливались численность приборных служилых людей для каждого города, размеры отводимых им земельных наделов. Пашня выделялась на установленное правительством число служилых людей «по прибору», а не на имевшихся в наличии. В частности, елецкий воевода отвел земли на 200 стрельцов, хотя в списке значилось 97 человек. Стрельцам, полковым казакам, пушкарям пашня отводилась в общей меже в отличие от служилых людей «по отечеству» – детей боярских, получавших землю порознь. Как правило, размеры земельных наделов полковых казаков в два-три раза превышали размеры стрелецких наделов. Это обстоятельство было связано с характером службы: полковые казаки несли конную службу, стрельцы – пешую. По мнению правительства, конная служба требовала повышенного земельного обеспечения. В Ливнах и Воронеже полковым казакам отмежевывалось по 20–30 четвертей «в поле», стрельцам по 10 четвертей пятидесятникам, по 9 – десятникам, по 8 – рядовым стрельцам [6, л. 10; 7, с. 22]. Метод счета «в поле, а в дву по тому ж» опирался на вековую практику трехпольного севооборота, в итоге которой необходимость постоянного получения землевладельцем общей суммы урожая объективно диктовала примерное равенство всех трех полей (озимого, ярового и пара) [8, с. 15].

Ливенская дозорная книга 1615–1616 гг. дает представление о структуре пригородных пашенных наделов. Судя по ней, из всей пашенной земли ливенских стрельцов, составлявшей 812 четвертей «в поле», 355 считалось «пашней паханной доброй земли» и 457 четвертей «дикого поля» [6, л. 9 об.–10]. Таким образом, в пределах отведенной приборным служилым людям земли размер фактически обработанного участка мог быть меньшим.

Земельное жалование приборных служилых людей включало не только пашню, но и места под дворы, луга, лес, рыбные ловли. При этом луга отмежевывались отдельно на каждую служилую группу, а лесом и рыбными ловлями они пользовались совместно. Совокупность угодий составляла целый хозяйственный комплекс. Он обеспечивал существование служилого человека и его семьи, а также выполнение ратных обязанностей без дополнительного денежного и хлебного жалования. Следует отметить, что если

пользование угодьями затруднялось, то вольные люди неохотно записывались в службу. В частности, в 1636/37 г. в Челновой острожек в служилые люди никто не записался, так как луга, дрова и строительный материал оказались в заповедном лесу, а пользоваться этим лесом не разрешали тамбовские власти. Проблема была разрешена специальным указом об отделении от заповедного леса лугов, леса и рыбных ловель для служилых людей Челнового острожка [9, л. 1–2].

В новых городах воеводы должны были лично следить за тем, чтобы приборные служилые люди пахали свои земли. В первые годы службы часть стрельцов, полковых казаков, пушкарей, надеясь на денежное и хлебное жалование, не приступали к обработке своих наделов. В отношении таких людей предписывалось применять меры принуждения – заставлять пахать «в неволю и с наказанием».

В связи с формированием «служилых городов», состоящих из детей боярских, в примыкавших к крепостям районах возникало поместное землевладение. В последние годы Смуты и после ее окончания поместными землями в уездах наделялись поместные казаки. Власть определяла численность служилых «по отечеству», назначала им поместные оклады, производила отвод земли – дачу [5, с. 451–461]. Вокруг городов возникали села и деревни, формировалась территория уездов. Особые заслуги служилых людей влекли за собой предоставление им вотчин.

В последние годы XVI в. поместного землевладения, сел и деревень вокруг Воронежа еще не существовало. Заселение окрестностей города, возникновение на этой территории сел и деревень, видимо, происходило до 1613 г. и выступало как результат вольной колонизации. Однако документальных следов этого процесса не сохранилось. Возможно, грамоты царей эпохи Смуты о наделении поместьями, если они были, впоследствии не сохранялись в связи с восшествием на престол Михаила Романова.

Начиная с 1613 г. землевладение на территории складывающегося Воронежского уезда находится под контролем центральной власти, о чем свидетельствуют документы Печатного и Поместного приказов. В период с 15 мая по 12 августа 1613 г. в Москве выдавались грамоты на поместья воронежским детям боярским, причем некоторые из поместий названы «старыми». Например, «Мая в 15 день: Запечатана грамота в Воронежской уезд в жеребей села Рамони по челобитью Нелюба Томашина: отказная на старое поместье» [10, с. 109 и др.]. Примечательный факт – поместье названо «старым», следовательно, оно существовало до 1613 г. Необходимо также учесть, что село с церковью не могло сформироваться за один год.

В писцовой и межевой книге Воронежского уезда 1628–1629 гг. Р. Кириевского и Л. Недовескова со-

держатся ссылки на более ранние документы на право владения поместьями. В их числе ввозные грамоты, самые ранние из которых относятся к 1613 г. Как известно, в 1614/15 г. были составлены книги «письма и дозору» Воронежского уезда Г. Кириевского. Но в писцовой и межевой книге 1628–1629 гг. неоднократно упоминаются «приправочные книги 123-го году», т. е. 1614/15 г. Как правило, приправочные книги находились в распоряжении составителей писцовых книг для справок как вспомогательный материал. По словам Л. В. Милова, они представляли собой «конгломерат жалованных, ввозных грамот, сотниц и т. п.» [11, с. 120, 132]. В писцовой и межевой книге 1628–1629 гг. упоминается также не дошедшая до нас дозорная книга Василия Сараева и подьячего Ивана Борисова 1620/21–1621/22 гг. [12, л. 69 об., 84, 86 об., 88, 91 об. и др.].

В 1628–1629 гг. писцы Р. Кириевский и Л. Недовесков составили писцовую и межевую книгу Воронежского уезда. Описание города в ней неполное: названы лишь городские церкви и духовенство. Здесь же впервые было представлено деление Воронежского уезда на станы: Боршевский, Усманский, Чертовицкий, Карачунский. Каждый из станов назван по самому южному пункту по состоянию на 1629 г.; кроме того, поименно названы светские помещики и вотчинники, монастыри, крестьяне и бобыли. Писцовая и межевая книга Воронежского уезда закрепляла право на владение поместьями и вотчинами и использовалась в течение длительного времени.

Переписи, с одной стороны, служили фискальным целям, определяли число плательщиков податей – сошных людей, а с другой – прикрепляли горожан и крестьян к тяглу. Все переписи фиксировали только мужское население, женщины упоминались лишь в том случае, если хозяйкой двора считалась вдова [13, с. 301].

В годы царствования Бориса Годунова (1598–1605) в пяти городах Черноземья (Елец, Воронеж, Курск, Белгород, Оскол) была установлена отработочная государственная повинность – десятинная пашня. Ее размер для каждого города составлял 200 десятин «в поле». Десятинная пашня обрабатывалась детьми боярскими, стрельцами, казаками, пушкарями и посадскими людьми. Они выполняли повинность на своих лошадях и со своим инвентарем.

Собранный с десятинной пашни урожай использовался на различные государственные нужды: выдавался в качестве жалования тем служилым людям, которые еще не были устроены землей, отвозился в Царев-Борисов и Валуйки для содержания послов, отправлялся к донским казакам.

В годы Смуты десятинная пашня в городах Черноземья была заброшена. Ее восстановление осуществлялось в 1616 г. Учитывая последствия Смуты,

правительство в два раза сократило объем работ, определив площадь десятинной пашни в 100 десятин «в поле» для каждого из пяти городов [14, с. 266–270]. В годы крупного оборонительного строительства после 1635 г. десятинная пашня вводилась в ряде новых городов (Яблонов, Усерд, Карпов, Короча, Вольный).

Постепенно десятинная пашня заменялась натуральным налогом. Он назывался посопный, отсыпной или десятинный хлеб. В Воронеже замена была осуществлена с 1621 г. За каждую десятину «государевой пашни» следовало собирать со служилых и посадских по 10 четвертей ржи и по 10 четвертей овса. В общей сложности на воронежцев налагалась обязанность выплачивать 1000 четвертей ржи и 1000 четвертей овса в год. В Курске по примеру Воронежа замена десятинной пашни на посопный хлеб была осуществлена в 1628 г. В течение XVII в. посопный хлеб вместо десятинной пашни вводился и в других городах Черноземья.

В целом, государство стремилось осуществлять контроль процессов аграрного освоения юга России, прежде всего в сфере землевладения и налогообложения. В интересах укрепления обороны правительство с 1637 г. достаточно эффективно ограждало южнорусских служилых людей от проникновения крупного землевладения думных и московских чинов. В вопросе о возвращении владельцам беглых крестьян и бобылей правительство стремилось найти компромисс между интересами землевладельцев и важнейшей государственной задачей защиты южных границ от неприятельских набегов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. / Г. Н. Анпилогов. – М., 1967.
2. *Мизис Ю. А.* На южных рубежах Московского государства : монография : в 3 кн. / Ю. А. Мизис, П. К. Напольникова. – Тамбов, 2022. – Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв.
3. *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991.
4. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. / подг. текста и комментарии В. Н. Глазьев, А. В. Новосельцев ; вступ. ст. В. Н. Глазьев, Н. А. Тропин. – Елец, 2001.
5. *Анпилогов Г. Н.* Новый документ об отводе земельного жалования елецким служилым людям (1593–1594 гг.) / Г. Н. Анпилогов // Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1209. Поместный приказ. – Оп. 1. – Д. 232.

7. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний : в 16 т. – Воронеж, 1891. – Т. 2. Воронежские писцовые книги.
8. *Милов Л. В.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия / Л. В. Милов, Л. Б. Булгаков, И. М. Гарскова. – М., 1986.
9. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 92.
10. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. акад. С. Б. Веселовский. – М., 1994.
11. *Милов Л. В.* Писцовое делопроизводство (XV–XVII вв.) / Л. В. Милов // Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. – М., 1981.
12. РГАДА. – Ф. 1209. Поместный приказ. – Оп. 1. – Кн. 76.
13. *Глазьев В. Н.* Территория и население Воронежского уезда / В. Н. Глазьев // Очерки демографической истории России XI–XXI вв. : в 7 т. – М., 2022. – Т. 2. XVI–XVII вв.
14. *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства / И. Н. Миклашевский. – М., 1894. – Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины.

*Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
E-mail: vng@main.vsu.ru*

*Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Historical Faculty
E-mail: vng@main.vsu.ru*